

нию и эволюции. Опубликованная на русском языке монография открывает перед широким читателем интереснейшую главу истории нашей науки, неразрывно связанную с именем Степана Даниловича Лисициана.

Примечание

¹ В этом отношении С.Д. Лисициан разделял ожидания многих деятелей отечественной науки, возглавлявших большие надежды на культурную роль массового краеведческого движения в одичавшей постреволюционной России. Н.П. Кондаков, например, считал, что в стране "через краеведение постепенно вернется интерес к гуманитарным наукам". – Цит. по: *Тункина* 2001: 653.

Источники и литература

АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 305. Оп. 1. Д. 319. Л. 14.
Страницы 1992 – Страницы отечественного кавказоведения. М.: Наука, 1992.
Тер-Саркисянц 1993 – *Тер-Саркисянц А.Е.* Рец. на: *С.Д. Лисициан.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван, 1992 // *Этнограф. обозрение.* 1993. № 2.
Тункина 2001 – *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // *Мир русской византистики.* СПб., 2001.

ЭО, 2008 г., № 4

© **О.П. Илюха.** Рец. на: *P. Hakamies, O. Fišman. Unelma uudesta Karjalasta: Neuvosto-Karjala valokuvissa 1920- ja 1930-luvulla / П. Хакамиес, О. Фишман. Мечта о новой Карелии. Советская Карелия в фотографиях 1920–1930-х годов.* Helsinki; Pietari: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 2007. 116 s.

книги-альбома, изданного Финским литературным обществом, 70 фотоснимков из коллекции Российского этнографического музея.

Карелия всегда привлекала внимание фотографов. С конца XIX в. путешественники стремились запечатлеть зрительные феномены карельской культуры. Великолепные фотоснимки дореволюционной поры выполнены И. Инхой, С. Паулахарью, И. Кианто, М.А. Круковским, И.А. Никольским. Сохранились замечательные портреты и панорамные съемки, выразительные обрядовые сцены, виды жилищ и одежды.

В советское время фотография приобрела ярко выраженное пропагандистское значение. В рецензируемой книге, документирующей сложные и трагические годы, представлены фотогра-

Российскими и финляндскими исследователями за последнее десятилетие опубликовано немало работ о Карелии 1920-х – 1930-х годов. Еще один взгляд на Карелию того времени – сквозь фотообъектив участников этнографических экспедиций – представили в своей совместной работе известные исследователи карельской культуры О. Фишман, заведующая отделом этнографии народов Северо-Запада и Поволжья Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), и П. Хакамиес, научный сотрудник Карельского института Университета Йёнэсуу (Финляндия). В основе

Ольга Павловна Илюха – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; e-mail: iljuha@krc.karelia.ru

фии, охватывающие два десятилетия – немалый срок для быстро развивающегося общества. Снимки – документальные свидетельства эпохи – служат индикаторами глубинных социокультурных процессов, позволяют проиллюстрировать существенные закономерности общественной жизни и даже выявить некоторую их динамику.

Основные черты своеобразного социокультурного и политического развития Карелии межвоенного периода обозначены П. Хакамиесом во ввводной статье "Модернизация Советской Карелии в 1920–1930-е годы", которая очерчивает исторический контекст, полезный для восприятия визуальной информации. Взгляд этнографа на советские перемены очень интересен, поскольку фиксирует внимание на тех аспектах культуры, которые подчас обходят стороной историки. Тем не менее приходится сожалеть о том, что автор, опираясь на зарубежные исследования, оставляет за пределами своего внимания современную российскую историографию.

Не менее важна для адекватного прочтения фотографий статья О. Фишман, посвященная истории экспедиций Российского этнографического музея (до 1934 г. – Этнографический отдел Русского музея) в Карелию, в результате которых сформировалась основа фотографического собрания, включающего более 3500 снимков. Автор интересно и убедительно характеризует стратегию фотографирования в разное историческое время.

В 1920-е годы исследователи с помощью фотокамеры старались реалистически отразить уходящие традиции и динамично меняющуюся культуру. Неоценимый вклад в изучение "живого быта" внес видный этнограф Д.А. Золотарев, руководивший экспедициями ленинградских ученых в Карелии. В ходе полевых исследований изучались не только уцелевшие "обломки" старого образа жизни – фотофиксации подлежали все визуальные формы карельской культуры. Слом "старого строя" символически передан в снимках, открывающих видеоряд, отобраный О. Фишман и П. Хакамиесом для публикации. На первой фотографии (1921 г.) – крепкий крестьянский дом с резным балконом, на второй (1929 г.) – наполовину разобранный пятистенок, вероятно, принадлежавший прежде семье репрессированного крестьянина или священника.

В 1930-е годы политические установки бесцеремонно вторгались в научную жизнь, а многие известные этнографы были арестованы. Пересматривались задачи полевой работы: предстояло изучать новый социалистический быт и советскую действительность. Все, что противоречило идеалам нового строя, стало закрытым для фотосъемки. Менялось само предназначение экспедиционной фотографии, поскольку теперь она создавалась главным образом для выставок агитационного характера и в итоге становилась общественно-политическим или пропагандистским посланием. Оформлялся преимущественно парадный, в значительной мере идеализированный образ советской Карелии. Силой принуждения и страха власть вовлекала ученых в конструирование мифа о новой России, в процесс "агитации за счастье".

Снимки тоталитарной эпохи, даже сделанные исследователями, не являются простой регистрацией реальности. Это выдержавшее проверку "внутренней цензурой", отрефлексированное отражение представлений о действительности. Срежиссированные идеологические снимки сродни рекламе: они отражают "престижные" образы, культивируемые образцы и направлены на их признание, закрепление в обществе. Характерное для 1930-х годов инсценирование того или иного сюжета "народной жизни" – явление не новое. И прежде этнографы нередко использовали этот прием, организуя, например, постановку старинных свадебных обрядов или воспроизведение сцены домашнего быта на улице, где освещение было лучше, чем в крестьянской избе. Но в этих случаях речь шла о реконструкции реальной ситуации, тогда как в 1930-е годы инсценировалось желаемое, идеализируемое. На одной из таких фотографий – "Отдых в поле" (выполнена не позже 1937 г.) – колхозники, собравшиеся во время перерыва вокруг установленного на телеге патефона, аплодируют танцующей работнице. В общественно-политическую фотографию также широко внедряется ретушь. Таким образом утверждался пиктореализм – особый стиль фотографирования, когда используется позирование, режиссирование, допускается ретушь (*Штомпка* 2007: 20).

Фотостиль новой эпохи оказал влияние и на исследователей, осуществлявших съемки. Залитое солнцем, наполненное светом пространство должно было добавлять оптимизма и вселять

радость "социалистического созидания". Такой подход вошел в практические руководства по фотосъемке и стал азбучным: "Восприятию советского человека близок иной пейзаж – жизне-радостный, богатый бесконечными оттенками света и красок, пейзаж, показывающий новую, преобразуемую свободным трудом советскую землю" (*Микулин* 1957: 332). Меняется и "геометрия" фотографий, пространственная организация запечатленных объектов. Это характерно для групповых снимков, в которых размещение фигур особым образом упорядочено. Спортивные шествия, колонны спортсменов, строй парашютистов, построения гимнастов, сидящие плечом к плечу за столом в избе-читальне люди – все это проявления "знаков связи", демонстрация сплоченности, чувства единения перед лицом внутреннего и внешнего врага.

В целом на фотоснимках доминирует общественный контекст в его разных проявлениях. Большое внимание уделяется производственной сфере (мотив созидательного общественного труда). Объектами фотосъемки являются промышленные предприятия, фермы, леспромхозы, колхозные поля, тогда как частное, приватное уходит из сферы интересов. Семейный (домашний) быт представлен на фотографиях как исключение.

Безусловно, в фотоснимках нашли отражение образные стереотипы межвоенного времени. Интерес фотографов сфокусирован на "новом человеке": объектами внимания становятся рабочие и крестьяне, передовики производства, спортсмены, комсомольцы и пионеры. Использование образа женщины – излюбленный и доступный способ демонстрации общественных сдвигов. На фотографиях запечатлены женщины-работницы, спортсменки, летчицы, парашютистки; они рядом с мужчинами в этих прежде считавшихся "неженскими" занятиях.

Характерный для милитаризирующегося общества культ маскулинности, силы, техники под-разумевает всевозможное, в том числе и фотографическое тиражирование технических средств, предметов и объектов. Машина становится "персонажем нового эпоса" (*Паперный* 1996: 261). Внимание фотографов привлекают пути сообщения (сухопутные и водные), которые приобретают современные черты. Интерес к дороге вызван не только тем, что в силу объективных потребностей экономического развития в сфере дорожного строительства было действительно много сделано. Путь-дорога стала популярным объектом фотосъемки, олицетворяющим движение к "светлому будущему".

В "предметном мире" фотографии интересны "элементы престижа" – одежда, аксессуары, которыми окружают себя люди, и особенно фоновый объект, ради которого нередко и производится съемка. Черно-белые фотографии психологичны, они выразительно передают контраст между серостью обстановки и одухотворенностью лиц, словно высвечивая достоинство отдельного человека в условиях тоталитарного общества. Внимание читателя не может не привлечь выражение лица человека, приготовившегося к фотографированию. Известный французский литературовед и семиолог Р. Барт писал о том, что, готовясь к фотосъемке, человек "конструирует" такой образ самого себя, каким он хотел бы предстать перед другими. "Нормативно одобренная маска", определенная поза ведут к тому, что фотография в некоторой степени превращается в картину, а процесс фотографирования – в "социальную игру" (*Barthes* 1967: 10; *Барт* 1997: 22–27). Прочтение фотоснимков, постижение всей глубины их очевидных и неявных смыслов могут немало добавить в наше понимание визуальной культуры, однако для решения подобных задач требуется исследовательская интуиция и нетривиальные подходы.

Фотографии 1930-х годов насыщены внешней символикой. Нередко в кадре оказываются флаги, звезды, портреты вождей, плакаты, которые уже сами по себе являются орудием пропаганды. Транспаранты с политическими лозунгами встречаются повсеместно: в цеху, в школе, в "красном уголке", на улице, в столовой и явно выбиваются в лидеры среди таких "культурных универсалий" эпохи, какими стали газета, портрет вождя и политический плакат. Таким образом фотографии становятся многослойным средством агитации. Некоторые из них сами приобретают глубоко символический смысл. На одном из снимков – два купола: купол переоборудованной в вышку церкви – символ старого, отжившего времени, и купол парашюта, раскрывшегося над прыгнувшим с вышки человеком – покорителем пространства.

Отобранные для публикации фотографии полностью соответствуют замыслу авторов, стремившихся представить свидетельства того, как Карелия двигалась навстречу советской мечте.

Пожалуй, лишь один из снимков несколько выбивается из общего ряда. Фотографию "Детей развозят по домам из детского сада", где запечатлена женщина-колхозница, управляющая заполненной маленькими детьми вязнущей в грязи телегой, можно прочесть и как осуждение бездушная власти, не желавшей видеть гримас нового общественного строя. Движение по пути к официально одобренной мечте, сопровождавшееся культивированием образа "нового человека", обернулось для тысяч рядовых граждан мечтой о куске хлеба и разочарованием в революции.

В 1920–1930-е годы появление человека с фотокамерой вызывало всеобщий интерес, особенно в деревне, где фотографа принимали как дорогого гостя. На снимках детей, взгляд которых не всегда сконцентрирован на объективе фотокамеры, видно, с каким любопытством рассматривают они фотографа и треногу с установленным на ней фотоаппаратом. Любительская фотосъемка, сделавшая фотографирование обычным делом и приумножившая число фотодокументов, придет в карельскую глубинку лишь в послевоенный период. Тем большую ценность представляет созданная профессиональными фотографами и фотографами-исследователями галерея образов советской Карелии 1920–1930-х годов, часть которой стала теперь доступна широкому кругу читателей. Важно, что все тексты книги (вводные статьи и комментарии к фотографиям) опубликованы на русском и финском языках.

Исследователи получили в свое распоряжение великолепный источник, доносящий до настоящего времени такие факты прошлого, для выявления которых не обязательно участие историка (по выражению Р. Барта, "ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фото"). Этот источник содержит важные "детали", составляющие первичный материал этнологического знания (*Барт 1997*: 12, 120, 128). Наряду с информацией, заключенной в каждом фотоснимке, все они отражают определенную эстетику и визуальную культуру эпохи. Независимо от того, как сами авторы фотоснимков воспринимали фотографии, они глубоко семиотичны, в них заложен не всегда очевидный широкий познавательный потенциал.

Надо полагать, эвристические возможности визуального анализа привлекут к этой элегантно изданной книге внимание исследователей, работающих в различных сферах социально-гуманитарной науки.

Литература

- Барт 1997* – *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 1997.
Микулин 1957 – *Микулин В.П.* 25 уроков фотографии. Практическое руководство. Изд. 11-е. М.: Искусство, 1957.
Паперный 1996 – *Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
Штомпка 2007 – *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: Учебник. М.: Логос, 2007.
Barthes 1967 – *Barthes R.* Elements of Semiology. N. Y.: Hill and Wang, 1967.

ЭО, 2008 г., № 4

© **А.О. Захаров.** Рец. на: *Indonesia: The Discovery of the Past* / Ed. Endang Sri Hardiati, Pieter ter Keurs. Amsterdam: KIT Publishers – De Nieuve Kerk, 2006. 208 p., il.*

Рецензируемая коллективная монография представляет собой каталог выставки "Индонезия: открытие прошлого", состоявшейся 15 августа – 13 ноября 2005 г. в Национальном музее Джакарты (Индонезия) и 15 декабря – 17 апреля 2006 г. в "Новой церкви" (De Nieuve Kerk) Ам-

---

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 07-01-00081а "Формирование цивилизационной общности и современного регионализма в Юго-Восточной Азии".